

произойти по тому евангельскому закону, по которому человек, если захочет сохранить за собой хотя бы душу свою (жизнь плотскую, — Мф. XVI, 25), хотя бы отчество свое, то потеряет это хранимое; если же готов потерять и то и другое во имя обретения самого высокого, святого, что только доступно его разумному сознанию, то попутно ему приложится и все это искомое и отстаиваемое людьми мира сего. Одним словом, с отечеством должно произойти по Евангелию то же самое, что и с семьями, про которые Христос сказал, что нет никого, кто оставил бы дом, или братьев, или сестер, или отца, или мать, или жену, или детей, или землю, ради меня и Евангелия, и не получил бы ныне, во время сие, среди гонений, во сто крат более домов, и братьев, и сестер, и отцов, и матерей, и детей, и земель, а в веке грядущем жизни вечной" (Ев. Марка, X, 29-30).

Я думаю, что не ошибусь, если скажу, что приведенное мною место, хотя и не высказано было самим Львом Николаевичем, но вполне логически вытекает из всей совокупности его идей, а потому может служить незатемненным их выражением.

По мнению Толстого, стоит только людям „одну сотую той энергии, которую они употребляют на внешние дела, употребить на то, в чем они свободны, на признание и исповедание той истины, которая стоит перед ними, на освобождение себя и людей от лжи и лицемерия, скрывавших истину, для того, чтобы без усилий и борьбы тотчас же разрушился тот ложный строй жизни, который мучает людей и угрожает им еще худшими бедствиями, — и осуществилось бы то Царство Божие или хоть та первая ступень его, к которой уже готовы люди по своему сознанию.